

Леонтьев К. Н. Письма к Анатолию Александрову: [XXXIII—XLVI: 6, 7, 12 сентября, 20 октября, 4, 14, 19 ноября, 15 декабря 1889 г.; 11 января, 10, 12 февраля, 25 марта, 12 апреля, 3 мая 1890 г.] / Сообщил А. А. Александров // Богословский вестник 1914. Т. 3. № 12. С. 832—864 (1-я пагин.). (Продолжение.)

Письма К. Н. Леонтьева къ Анатолю Александрову.

(Продолженіе) ¹⁾.

П и с ь м о XXXIII.

6 сентября 1889 г. Оптина Пустынь.

Рекомендую Вамъ, милый поэтъ мой, *еще одного*, тоже весьма милаго, юношу и совсѣмъ почти готоваго единомышленника: *Евгенія Николаевича Цогожева*. Онъ напечаталъ въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*“ и издалъ особой брошюркою разсказъ о своемъ богомольѣ къ преподобному Сергію. Много религіознаго чувства и поэзіи. У него вообще много энергіи и способностей. Помогите ему Богъ не сбиться съ добраго пути!

Мнѣ было бы очень пріятно, еслибъ Вы подружились. Онъ-то очень *экспансивенъ*: но Вы-то, позкалуста, ужъ не таите слишкомъ ужъ „басисто“ всѣ Ваши перлы въ бездонномъ океанѣ Вашей души!

Онъ привезетъ Вамъ 5 портретовъ монаховъ, которые прошу Васъ раздать по подписямъ. Кристи пробудетъ, кажется, нѣсколько дней въ Москвѣ, проѣздомъ въ Петербургъ,—а гдѣ остановится, не знаю.

Портреты съ надписями: *Кривоблюцкому* и *Залетову*—требуютъ нѣкоторой „политики“. Оба они—секретари Цензурнаго Комитета, и обоимъ я ихъ люблю гораздо больше. чѣмъ цензоровъ (за исключеніемъ Астафьева); хорошо бы доставить имъ портреты *лично* и *особо*, съ тѣмъ. чтобы не показать

1) См. Б. В., мартъ.

неумѣстнаго пренебреженія предсѣдателю, Назаревскому и Егорову (цензору тоже). Я съ ними былъ тоже въ недурныхъ отношеніяхъ. А портреты уже все розданы.

Не потрудитесь ли Вы съ этой цѣлью зайти на домъ хоть къ старшему—*Николаю Станиславичу Кривоблоцкому* (жилъ прежде на Молчановкѣ, въ д. князя Оболенскаго, на дворѣ). А Залетову онъ передать. Кстати—скажу—у него прекрасная семья, три дочери: старшая—Марья Николаевна—особенно замѣчательна и умомъ и характеромъ. Также „кладезь“ порядочный, не хуже Вась, *таящій* все гдѣ-то и что-то. Религіозна почти до фанатизма и очень умна,—а вы знаете, что я на этотъ эпитетъ очень скупъ.

Скажите ей, если встрѣтите ее (а то отцу), что я бы желалъ получить отъ нея письмо, длинное и хорошее, и объ ней самой, и объ отцѣ, котораго люблю крѣпко.

Еще кстати—вообразите—Погожевъ говоритъ, что Фетъ содержитъ *посты* и даже будто бы Рождественскимъ постомъ Великаго Князя Константина Константиновича накормилъ постнымъ обѣдомъ. Нельзя ли разузнать объ этомъ навѣрное? Мнѣ и не вѣрится,—дотога это пріятно! Ну, прощайте; цѣлую Васъ крѣпко, и очень боюсь за Васъ, что у Васъ никогда никакихъ знакомыхъ не будетъ, кромѣ Тиличевыхъ и Пальминыхъ... 74) Ахъ, какъ боюсь и какъ вздыхаю!

К. Леонтьевъ.

Р. С. Авдотѣ Тарасовнѣ—мое почтеніе.

А Грингмутъ-то! Грингмутъ-то! При такихъ единомышленникахъ понятно, что хоть бы Погожевъ, напр., и понятія не имѣетъ о моихъ статьяхъ (за исключеніемъ о Климента). Я уже далъ ему свой экземпляръ моего Сборника.

Нельзя ли узнать, не набралось ли что у Карбасникова за все гдѣ-то? Если набралось, я напишу, куда употребить.

Вышлите мнѣ, пожалуйста, *посылкой* 5 экземпляровъ Сборника моего. Сочтемся.

Вырѣзку „*Историческаго Вѣстника*“ сохраните, и, когда будете возвращать мнѣ книжку съ другими вырѣзками, вложите.

74) Общѣ наши московскіе знакомые, нѣсколько причастные и литературѣ. Л. П. Пальминъ—довольно извѣстный въ свое время поэтъ. А. А—63

Еще просьба:

• 1) Купите, голубчикъ, и вышлите мнѣ хорошія *англійскія* настоящія, маленькія, *тонкія* ножницы вотъ такого фасона для тонкой женской работы.

(NB. Приложенъ рисунокъ).

2) По прилагаемому рецепту нужно взять масло у Феррейна; говорятъ, будто у насъ запрещено,—но по рецепту моему, вѣроятно, дадутъ, ибо я изъ списковъ врачей не исключенъ ⁷⁵⁾. И посерьезнѣе вещи, и не для себя, а для кого угодно, по моимъ рецептамъ отпускаютъ. Все бы вмѣстѣ и прислали. Только ужъ въ ящикѣ, чтобы стеклянку съ масломъ не раздавить.

Если получите хоть что-нибудь отъ Карбасникова, то вычтите за покупки и за пересылку. Если же достанетъ денегъ, то купите мнѣ еще Спенсера „Основы психологіи“ (?) или „Основы этики“ (?)—не знаю. Петръ Евгеніевичъ знаетъ. Эта книга, гдѣ предсказывается, что *все примѣняется къ жизни*, и будетъ *всѣмъ легко*.

Письмо XXXIV.

7 сентября 1889 г. Оптина Пустынь.

Получилъ ваше письмо отъ 2 сентября (съ письмомъ Фета).

1) О Грингмутѣ. Не понимаю, какъ можно *дѣльно* возражать на брошюру „Национальная Политика“, не взявши въ расчетъ и второй статьи „Плоды національныхъ движеній“—только потому, что она не издана отдѣльно. Если Вы не бросили тѣхъ вырѣзокъ, которыя я Вамъ въ свое время послалъ, *если* Грингмутъ *въ самомъ дѣлѣ* за дѣло хочетъ вѣзаться серьезно, то дайте ему эти вырѣзки второй статьи.

⁷⁵⁾ К. Н.—чѣ, послѣ 4 лѣтъ пребыванія на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета, уѣхалъ военнымъ врачомъ въ Крымъ, на мѣсто военныхъ дѣйствій, во время Севастопольской компаніи, гдѣ оставался врачомъ нѣкоторое время и по окончаніи компаніи. Тамъ онъ и женился на крымской гречанкѣ, дочерп лавочника, дѣвущкѣ необыкновенно милой, доброй, жизнерадостной, полной природной поэзіи и граціи, на столь часто упоминаемой въ этихъ письмахъ Лизаветѣ Павловнѣ. Познакомившись съ нею лишь въ позднѣйшіе годы ея жизни, когда у нея, послѣ перенесенной ею психической болѣзни, оставался лишь слабый слѣды всего прежняго, я храню о ней тѣмъ не менѣе самое пріятное воспоминаніе, какъ о миломъ, добромъ, взросломъ, больномъ ребенкѣ. А. А.—68

Подозрѣваю только, между нами, что въ возраженіи его будетъ больше оппортунизма, чѣмъ искренности.

2) Статью о Черновѣ ⁷⁶⁾ лучше было бы мнѣ прежде прислать. Прежде всего потому, что я Берга знаю лучше, чѣмъ Вы, и знаю, чѣмъ и какъ ему „попасть“. Ну, и за Чернова самолюбіе я не спокоенъ: видите, ему и такъ отъ „нашихъ“ досталось за меня.

3) Губастову ⁷⁷⁾ біографическія свѣдѣнія не готовы, — да я еще и не понялъ, чего онъ отъ меня хочетъ. Жду отвѣта.

4) Объ изданіи „Одиссея“ я еще не отложилъ попеченія. Лучше всего будетъ (черезъ Кристи или черезъ кого-нибудь еще) обратиться сначала къ Суворину. Тогда увидимъ. Благодарю за намѣренія: но отчего же Вы не рѣшаетесь все таки испробовать Л. Н. Толстого съ этой стороны ⁷⁸⁾? Если *неожиданно* согласится, подивимся вмѣстѣ и порадуемся за меня. Если, какъ и вѣроятно, откажется, не будемъ плакать, и тоже порадуемся *за идею*, т. е. за невыдержку чистой этики безъ Бога, Христа и старцевъ. Старецъ, зная, что „Одиссей“ — вещь *безвредная*, и услышавши отъ него признаніе въ томъ, что онъ дѣйствительно ее не разъ и при самомъ авторѣ дублично хвалилъ, и что автору нужны деньги, даже не для себя, а для уплаты старыхъ долговъ, и т. д., — старецъ, говорю я, прямо-бы велѣлъ ему приклеить къ этому изданію свой популярный штемпель.

⁷⁶⁾ Подъ псевдонимомъ Чернова французъ Портъ д'Аркъ напечаталъ въ журналѣ *La Nouvelle Revue* (1889, II) статью о К. Н. Леонтьевѣ, очень по отношенію къ нему благожелательную, а мѣстами и прямо восторженную, но не лишенную и нѣкоторыхъ неточностей. Для ознакомленія русскаго общества съ этой статьей и для исправленія ея неточностей я написалъ статью по поводу нея. О ней-то и идетъ рѣчь здѣсь въ слѣдующихъ письмахъ. Напечатана она уже по смерти К. Н. — ча въ *Русск. Вѣстн.* 1892, IV. А. А.—66.

⁷⁷⁾ К. А. Губастовъ — старый другъ и сослуживецъ К. Н. Леонтьева по его консульской службѣ на Востокъ. Въ это время служилъ уже въ Вѣнѣ, и просилъ, повидимому, біографическихъ свѣдѣній его для какого-либо изъ заграничныхъ энциклопедическихъ словарей. Чрезвычайно интересны письма К. Н. Леонтьева къ К. А. Губастову, напечатаны въ *Русск. Обзор.* 1896 и 1897 г.г. К. А. Губастовъ служилъ потомъ нашимъ представителемъ при Ватиканѣ и потомъ былъ тов. Мин. Ин. Дѣлъ. А. А.—67.

⁷⁸⁾ К. Н. Леонтьевъ просилъ меня поговорить со Л. Н. Толстымъ, чтобы онъ написалъ предисловіе къ его „Одиссею“. Ничего изъ этого, конечно, не вышло. А. А.—68.

5) На счетъ *моей мебели* ⁷⁹⁾, къ сожалѣнiю, *еще при Васѣ* явились препятствiя совершенно нравственнаго рода, а не экономическаго, ибо ей, этой мебели, такъ и суждено даромъ пропасть. Я только не сказалъ Вамъ объ этомъ тогда оттого, что меня это очень раздосадовало. Марья Владимiровна сдѣлала большую ошибку и неосторожность, особенно при тѣхъ исключительныхъ отношенiяхъ, въ которыхъ мы другъ къ другу находимся вотъ уже скоро 5 лѣтъ. Мебель эта никакого отношенiя къ Кудиновскому наслѣдству не имѣетъ; она вся была куплена мною во время службы въ Москвѣ. Уѣзжая сюда, я почти все самое пригодное далъ на поддержанiе Ник. Як. Соловьеву; а когда онъ уѣзжалъ, то, не зная, куда ее дѣтъ, онъ обратился къ Марьѣ Владимiровнѣ. Она должна была сказать, что она до этого *не касается*; но, по горячности своей, желая угодить и ему и мнѣ, не остерегаясь, взяла ее, и раздала туда и сюда, ни у кого не спросивъ. Другая моя племянница: монахиня Катерина Васильевна, узнавши объ этомъ, ужасно удивилась ея ошибкѣ, и, по моему порученiю, пошла спросить у отца Амвросiя, требовать ли у нея, чтобы она эту мебель разыскала и Вамъ передала. Но отецъ Амвросiй не велѣлъ ей говорить объ этомъ (т. е. объ ошибкѣ ея), ибо она и безъ того и раздражена противъ меня и разстроена тѣмъ, что не можетъ со мной видѣться. Все это случилось *при Васѣ еще*; но я промолчалъ, потому что мнѣ было *очень больно*, что я не могу *услужить Вамъ*. А теперь ужъ нельзя скрыть правду.

6) Сегодня получилъ кой-откуда деньги, и потому посылаю Вамъ *старого долга* 5 руб. А къ покупкамъ новымъ прошу прибавить еще: 1) листовъ 6 *цветной бумаги* для колпачковъ на лампу, — *темно-лиловой* и *малиновой* — по три, свѣтлыхъ не надо; и 2) *железныхъ перьевъ* (не иначе, какъ въ „Сотрудникъ школь“, на углу Воздвиженки) 1 коробочку, М. Turnor et Cie, № 511.

7) „Одиссея“ подождемъ. А если только найдете время, то нельзя ли найти издателя для брошюры „Плоды національ-

⁷⁹⁾ К. Н. Леонтьеву, несмотря на наши протесты съ женой, очень хотѣлось подарить намъ свою московскую мебель на новоселье и устройство нашего молодого хозяйства. А. А.—въ.

ныхъ движеній“ (листовъ 6—7). *Весь дождь*—по покрытін расхода—издателю. Мнѣ дорога *тоже*, а не деньги.

К. Леонтьевъ.

П и с ь м о XXXV.

12 сентября 1889. Оптина Пустынь.

Милый Александровъ, я все надоѣдаю Вамъ то тѣмъ, то другимъ, вѣруя слѣпо въ Ваше долготерпѣніе. Съ этой почтой я разомъ (но особо, чтобы не мять рукописи) посылаю 5 портретовъ моихъ, которые забылъ отдать Погожеву, и I главу „Анализа и стиля“ для прочтенія и поправокъ Петру Евгеньевичу. Хотя я очень храбро поставилъ элиграфомъ рѣшительныя слова Пилата ⁸⁰⁾, но значеніе они будутъ имѣть лишь послѣ провѣрки Астафьевымъ этой I главы, гдѣ я позволяю себѣ говорить и объ отвлеченной психологій. Я не признаю себя сильнымъ въ метафизикѣ и всегда боюсь, что я что-нибудь слишкомъ реально и по-человѣчески, а не по-философски понялъ. Вы знаете, какъ опредѣлялъ метафизику Вольтеръ? Слушайте:

„Когда человѣкъ говоритъ, и никто его не понимаетъ, и когда онъ самъ, наконецъ, начинаетъ ничего не понимать.— это метафизика!“

Конечно, и на этомъ Петръ Евгеньевичъ могъ бы меня сейчасъ поймать, воскликнувъ: „психологія или метафизика—большая разница!“ Но я остаюсь правъ *по чувству*: я понимаю очень ясно, я *чувствую* психологію болѣе конкретную (самолюбіе, гнѣвъ, любовь, твердость, „самоваръ и раскаяніе“ у русскихъ по Рошфору и т. д.); но когда начинается психологія болѣе *метафизическая* (эмоціи, навыки, ассоціаціи и т. д.), у меня начинается „животы подводить“ отъ страха, что я не пойму... Никакъ всего этого пальцами не удержишь,—и, вѣрьте, есть, напр., у Шопенгауера страницы (напр., объ эстетикѣ), которыя для меня ясны, какъ день, а въ его „законахъ достаточнаго основанія“ и т. п. рѣшительно *ни* бельмеса не понимаю!

Прошу Петра Евгеньевича всю эту главу просмотрѣть *строго*, такъ, то есть, чтобы *и врагу* понравилось, и сдѣлать

⁸⁰⁾ „Еже писахъ—писахъ“. А. А—въ.

карандашемъ *на оборотѣхъ* страницъ замѣтки. На страницѣ 13 есть мое NB карандашемъ; я нарочно написалъ *объ немъ* на особой страницѣ, чтобы ее легко было бросить, ничего не путая, если окажется, что я *вовсе не такъ его понялъ*.

Неужели же я такъ ужъ съ этой стороны глупъ!? Кто знаетъ!? Просите его не задерживать. Неужели онъ ужъ такъ отъ меня отбился и забылъ меня сердцемъ, что и этимъ потяготиться? Придется еще разъ вспомнить Рощфора, ибо Вы вѣдь говорили мнѣ, что онъ немножко кается въ той грубости, которую онъ мнѣ сдѣлалъ, оставивъ мое письмо безъ отвѣта. Объясните ему кратко, въ чемъ содержаніе самой статьи, къ которой эта I глава вродѣ предисловія. Надо Бергу *поскорѣе* мою статью послать, чтобы онъ на меня не сердился: тогда и Вашу ⁸¹⁾ охотнѣе напечатаетъ.

Цѣлую Васъ крѣпко.

Ну, какъ Авдотья Тарасовна? Помните ли уроки сердцаго старика?

Вашъ К. Леонтьевъ.

P. S. Отъ Губастова давно нѣтъ отвѣта; отъ Фуделя даже, отъ аккуратнаго Фуделя—давно нѣтъ слуховъ... Скучно!

П и с ь м о XXXVI.

20 октября 1889 г. Оптина Пустынь.

Дорогой другъ мой, Анатолій Александровичъ! и письмо Ваше и посылку *давно* получилъ, и весьма за все Вамъ благодаренъ.

Прежде всего прошу Васъ: пришлите мнѣ счетъ Вашихъ затратъ (ножницы, бумага для лампъ и т. д.): По полученіи счета сейчасъ вышлю.

Не отвѣчалъ долго; что дѣлать! Съ самаго Вашего отвѣзда до начала октября на меня напелъ какой-то странный и вообще непривычный мнѣ упадокъ духа: я чувствовалъ, что продолжать занятія *надо*, а между тѣмъ рѣшительно заниматься *не могъ*—ни свѣтскимъ, ни духовнымъ; я не могъ найти этому состоянію духа моего никакой внѣшней причи-

⁸¹⁾ Статью мою о К. Н. Леонтьевъ. Напечатана послѣ его смерти въ Рус. Вѣст. Берга. А. А—въ.

ны, потому что ничего особеннаго не случилось... Наконецъ, напалъ на причину—внутреннюю и религіозную: я всегда говѣю всѣ 4 поста, а въ этотъ годъ Успенскимъ постомъ облѣнился и не говѣлъ. Отъ Амвросіѣ одобрилъ мое намѣреніе поговѣть въ началѣ октября; я исполнилъ это,—и съ тѣхъ поръ сталъ заниматься.

Бьюсь все еще (именно *бьюсь!*) надъ статьей о Толстомъ ⁸²⁾: зашелъ въ такія эстетическія и психологическія дебри, что никакъ не могу выйти на свѣтъ Божій. Только всего дня три—не болѣе, какъ начинаю подозрѣвать и близость опушки и догадываться, въ какую сторону надо сквозь колючіе кусты мнѣ ломиться... Собственныя впечатлѣнія до того, наконецъ, притупились, что *одному* стало невозможно судить собственный вкусъ. Алексѣй Дмитріевичъ Оболенскій ⁸³⁾ общалъ въ будущую субботу пріѣхать съ утра и слушать. Онъ очень уменъ и образованъ и со вкусомъ,—но, видимо, привыкъ совсѣмъ къ другому порядку мыслей, чѣмъ я, и находитъ, что *разговоръ* мой ему *яснѣе*, чѣмъ мои статьи. Какъ это странно! Но оно и полезно съ другой стороны, потому что его возраженія вынуждаютъ меня все на большую и большую къ себѣ строгость. Въ *общемъ* чувствѣ относительно Толстого—я думаю, что я правъ; но боюсь, что я другимъ буду неясенъ. И потому я рѣшилъ такъ: по окончаніи пошлю Вамъ и при этомъ „официозное“ письмо Петру Евгѣнѣвичу съ просьбой прочесть это въ Психологическомъ Обществѣ, и общимъ рѣшеніемъ членовъ рѣшить, *заслуживаетъ ли это напечатанія или нѣтъ*. Возвращать сюда рукопись снова для исправленія *частностей* не желаю. Безъ ошибокъ нельзя. —пусть будутъ ошибки; но если вообще *не дышитъ истиной*, а только какой-то гастрономической и слишкомъ оригинальный бредъ, то пусть рукопись остается у Васъ, на память того, какъ человекъ, столь *здравый* и даже иногда холодный въ политикѣ, можетъ быть „развратенъ умомъ“ въ художественной критикѣ... Потеряю, конечно, рублей 400! Жалко, и не столько себя, сколько другихъ, ибо почти всѣ они уже назначены на уплату позорныхъ,

⁸²⁾ „Анализъ, стиль и вѣяніе“. О романахъ Л. Н. Толстого. А. А—ва.

⁸³⁾ Сосѣдній помѣщикъ, впоследствии, въ 1906 г., оберъ-прокуроръ Св. Синода. А. А—ва.

старыхъ долговъ. Ну, да что же дѣлать! Зачѣмъ печатать при жизни *свой бредъ*. Вамъ, если захотите, я не запрещаю *чужой* бредъ современемъ напечатать, какъ біографическую странность и *психозную* черту человѣка во многомъ другомъ здраваго; это Ваша воля. Вотъ Влад. Соловьевъ увѣряетъ, что языческіе жрецы „жили“ со змѣями. Онъ въ этомъ не виноватъ, и это совсѣмъ не то, что если бы онъ самъ напечаталъ бы трактатъ о томъ, что имѣтъ отношенія со змѣей очень пріятно и очень нравственно. Кстати сказать, все это, чтобы мнѣ не повторять вторично въ письмѣ къ Петру Евгениевичу, потрудитесь ему прочесть. А до чего эта статья мнѣ наскучила, я Вамъ выразить не могу! Не дождусь избавиться; но раньше, какъ дней черезъ 10, не справлюсь.

Нетерпѣніе мое усиливается еще и тѣмъ, что, по окончаніи и отправкѣ ея, я долженъ буду, наконецъ, приступить къ исполненію выпавшаго мнѣ *жребія*.⁸⁴⁾ Начать романъ „Послѣдній лучъ!“ Жребій не сказалъ: *и окончить непремѣнно*. Онъ сказалъ только: *начать* предпочтительно передъ всѣмъ другимъ. Весьма возможно, что тайный смыслъ этого жребія, его скрытая и высшая телеологія въ томъ, чтобы убѣдить меня самого въ рѣшительный уже неспособности писать романы. Но начать я *обязанъ*. И мнѣ теперь, точно со стороны, прелюбопытно видѣть, какъ это К. Н.—чъ Леонтьевъ возьмется за дѣло, которое ему вовсе не по сердцу. Ибо развѣ можно найти форму иную для выраженія пережитаго, кромѣ прямой, подробной и откровенной автобіографіи? По моему, нельзя. Измѣнить немного обстоятельства (для приличія и т. п.)—и *чувства дорогія* глубоко измѣнятся.

О Вашей статьѣ⁸⁵⁾ не распространяюсь; она безусловно хороша,—достаточно смѣла и достаточно осторожна. Я почти ничего въ ней не исправлялъ, кромѣ кой-какихъ мелочей. Позволилъ себѣ, однако, въ 2—3 мѣстахъ „язычекъ“ Вапшъ повыровнять. Да еще выписку одну изъ моей книги прибавилъ, во избѣжаніе неясности. (О томъ, что *сложность* нынѣшней жизни все таки ведетъ къ уравнительному *упрощенію* соціальной картины).

⁸⁴⁾ Рѣшеніе старца, о. Амвросія. А. А.—сз.

⁸⁵⁾ Статя о К. Н. Леонтьевѣ. Напечатана послѣ его смерти, *Рус. Вѣстн.* 1892, № 4. А. А.—сз.

Критика Ваша удовлетворяет меня,—а какъ выражена сторона біографическая, не слишкомъ ли замѣтно *мое* на этомъ вліяніе, мнѣ судить трудно. Отчего бы не дать это просмотрѣть болѣе безпристрастному человѣку?

Куда отдавать? Куда хотите. Морозовъ умеръ; не знаю только, тотъ ли это, который давалъ Боборыкину 40.000 ⁸⁶⁾, или отецъ его. Вамъ это лучше знать. Если предполагаемое *Русское Обозрѣніе* не лопнуло, то, пожалуй, потому лучше въ него отдать, что Боборыкинъ (и Астафьевъ косвенно повліяетъ), можетъ быть, щедрѣе Берга Вамъ по знакомству заплатить.

Поговорите прежде съ ними, покажите имъ. Я думаю, что это лучше всего. А впрочемъ, это дѣло Ваше; какъ хотите. Если же рѣшите послать Бергу, то не забудьте въ письмѣ напомнить ему, что *онъ первый протянулъ мнѣ руку*: это доставитъ ему удовольствіе. Всякому пріятно видѣть справедливость и признательность въ людяхъ. Никогда не надо этими случаями „добраго слова“ пренебрегать. У насъ на это скупы и забывчивы. *Не забудьте отписковъ съ десятокъ* попросить и мнѣ *пятокъ* пожертвуйте.

Вы ничего не написали мнѣ о Карбасниковѣ ⁸⁷⁾. Вѣрно, еще недосугъ было? Когда успѣете, напишите, голубчикъ.

Былъ ли у Васъ Кристи? Или опять все съ „тетками и братьями“ въ вихрѣ? Коротенькое письмо отъ него получилъ недавно.

У Фуделя дочка ужъ успѣла и родиться и умереть.

У насъ Варя также родила очень легко мальчика (Сергѣя),—и оба, мать и сынъ, здоровы.

Всѣ мы благодаримъ Авдотью Тарасовну за память.

Статья Ваша будетъ на дняхъ переписана здѣсь *превосходно* однимъ монахомъ. И тогда вышлю ее.

Я пришелъ въ ужасъ за Васъ, при мысли, что Вы сами будете все это еще переписывать! Привыкайте прямо *начерно* отдавать въ типографію. Это жестокая трата времени и труда.

Обнимаю Васъ.

Вашъ К. Леонтьевъ.

⁸⁶⁾ Дав. Ив. Морозовъ, основатель *Рус. Обзор.* Но умеръ въ это время не онъ и не отецъ его. А. А—въ.

⁸⁷⁾ У Карбасникова были на комиссіи сочиненія К. Н. Леонтьева. А. А—въ.

П и с ь м о XXXVII

4 Ноября 1889 г. Оптина Пустынь.

За васъ, милый мой, очень радъ Ярославскому дѣлу⁸⁸⁾, если оно выгодно; но грустно, что всѣ мои „птенцы“ разлетаются туда и сюда по Россіи. Скоро у меня никого не будетъ въ столицахъ для помощи въ моихъ дѣлахъ.

Боюсь, что, при дурныхъ теперешнихъ путяхъ, это письмо къ 7-му опоздаетъ. Но если поспѣеть, то передайте комисионныя расписки Карбасникова въ Цензурный Комитетъ Сергѣю Васильевичу Залетову, младшему секретарю, съ покорнѣйшею просьбой принять на себя этотъ трудъ. Я на дняхъ обо всемъ напишу ему,—и для книгъ моихъ найдемъ мѣсто.

Пока прощайте. Когда утвердитесь въ Ярославлѣ, написать готовъ подробнѣе; но Вы такъ пишете, что какъ будто Вы черезъ мѣсяцъ еще вернетесь въ Москву?

Какъ же быть?

Буду ждать хоть самой короткой вѣсти, куда вѣрнѣе писать.

Понукать слишкомъ переписчика Вашей статьи (пожилого монаха, изъ дворянъ и весьма образованнаго) нельзя. Получить онъ всего-то 3 руб. сер.! Но во всякомъ случаѣ *надняхъ* я ее вышлю Вамъ въ Ярославль.

Авдотѣ Тарасовнѣ—мой привѣтъ.

Господь помози Вамъ.

К. Леонтьевъ.

П и с ь м о XXXVIII.

14 Ноября 1889 г. Оптина Пустынь.

Дорогой мой и милый Анатолій Александровичъ! посылаю, *наконецъ*, Вамъ статью Вашу, превосходно переписанную. Поправокъ я сдѣлалъ очень мало: вставилъ въ одномъ мѣстѣ еще двѣ цитаты изъ „Византизмъ и Славянство“ о *сложности, смѣшеніи и упрощеніи*, для ясности; вычеркнулъ вездѣ (кажется) эпитетъ „прекрасная“ въ приложеніи къ статьѣ Чернова, ибо этого эпитета, надó имѣть безпристрастіе сознаться, она всетаки не стоитъ. Въ ней слишкомъ много для

⁸⁸⁾ Мѣсто воспитателя сына желѣзобойца Л. Н. Пастухова. А. А—евъ.

этого недостатковъ. Напр., это крайнее неравновѣсіе между чрезмѣрной грандіозностью общаго вступленія и конца съ самимъ „портретомъ“ литератора, котораго, какъ тамъ ни толкуйте, никто (кромѣ 2—3 юношей да Т. И. Филиппова) все-таки знать не хочетъ. Грѣшный человѣкъ, я могу вѣрить въ относительную *правоту* не признаваемаго человѣка, но ужь „величія“—то никакъ не умѣю видѣть въ томъ, кто *не сумѣлъ заставить* себя признать. Поэтому и не идетъ, когда говоришь о такомъ умѣ или дарованіи, которое не заслужило славы при жизни, взлетать такъ высоко и указывать на такіе широкіе кругозоры. Мало-ли, что въ колоколѣ, напр., *таится* прекрасный звонъ; но если онъ стоитъ на землѣ, не *сумѣлъ* взойти на колокольню, то этого звона никто не услышитъ. А по смерти? Ну, вотъ Вамъ Данилевскій⁸⁹⁾. Только что открыли его, а Соловьевъ уже, успѣшно отчасти, отвергаетъ его значеніе, да и въ моихъ статьяхъ вся *либеральная* сторона его труда тоже отвергается. Ни при жизни—серьезнаго вліянія, ни по смерти—долгаго *господства*...

Статья Чернова вовсе не прекрасна,—и, при всеї моеї ему признательности, я не могу быть въ ея достоинствахъ ослѣпленъ. *Идеями* автора онъ не занялся, какъ слѣдуетъ, а самого автора возвеличилъ какъ-то не по заслугамъ.

Изъ Вашей статьи я выбросилъ еще страницы 2, тамъ, гдѣ говорилось о моихъ достоинствахъ на консульской службѣ. Все это—правда, и можно бы и гораздо больше этого похвалиться на документальныхъ основаніяхъ; но тогда уже надо самому писать автобіографію, а *здѣсь* это было слишкомъ замѣтно, что Вы эту оцѣнку слышали отъ меня самого. Неловко; и Вамъ невыгодно; я боюсь и Вамъ повредить при первыхъ шагахъ Вашихъ.

Другое дѣло—всѣ эти опроверженія насчетъ того, чѣмъ я былъ смолоду (Базаровъ или нѣтъ): тутъ не бѣда, что свѣдѣнія прямо отъ меня. Всякій имѣетъ право желать, чтобы ему не приписывали публично такихъ мнѣній и вкусовъ, которыхъ онъ не имѣлъ.

Куда отдавать: въ *Русское Обозрѣніе* или въ *Русскій Вѣстникъ*? Я уже писалъ Вамъ: Какъ хотите. Если вы пред-

⁸⁹⁾ Никол. Яковл. Данилевскій, авторъ книги „Россія и Европа“. А. А.—въ.

почитаете *Русское Обозрѣніе*, то совѣтую дѣйствовать черезъ Астафьева, а не прямо Цертелеву въ руки. Цертелевъ *не можетъ* намъ съ Вами искренно сочувствовать; у него на умѣ другое: какой-то буддизмъ, котораго онъ обнаружить вполне не можетъ, но... и т. д.

Теперь о другихъ дѣлахъ:

1) Прошу Васъ, не опоздайте слишкомъ возвращеніемъ всего того, и печатнаго, и рукописнаго, что я Вамъ далъ для справокъ: „опыты“ Спенсера, брошюры Петра Евгеніевича, мои тетрадки въ голубой оберткѣ и если еще что я забылъ. Я очень безпокоюсь обо всемъ этомъ,—особенно о голубыхъ тетрадкахъ. Мнѣ все это очень нужно.

2) Сергѣю Васильевичу Залетову я надняхъ напишу о Карбасниковѣ, а Вы, если коммисіонныя расписки у Васъ съ собой въ Ярославлѣ, то вышлите ихъ ему скорѣе съ двумя словами объясненія. *Непремѣнно заказнымъ.*

3) На объявленія средствъ не имѣю: Мещерскій долженъ мнѣ 86 руб. сер. съ лѣта и все не высылаетъ. Да и *на что?* Даже стыдно немножко, и словно грѣхъ—тратить деньги безъ пользы?

4) Мнѣ немножко неприятно, что Вы не хотите мнѣ выслать счетъ за ножницы, ламповую бумагу и стальные перья!

Какъ-то теперь Авдотья Тарасовна въ Москвѣ безъ Васъ проживаетъ?

У насъ пока все славу Богу. Я хвораю, но все по старому, а не хуже.

Батюшка о. Амвросій здоровъ, по мѣрѣ силъ своихъ.

Я теперь очень занятъ,—и если не заболѣю сильно, то и буду все занятъ до Рождества. Большой трудъ, но занимательный и не спѣшный.

Очень жаль мнѣ, что Вы всетаки не *духовно* поняли то, что я писалъ Вамъ о своемъ *уныніи* отъ конца августа до октября. Я писалъ Вамъ, что *внѣшнихъ* причинъ этому не было, а было оттого, что я въ августѣ *не говѣлъ*, и когда въ октябрѣ поговѣлъ, прошло, и я сталъ заниматься. А Вы мнѣ пишете: „Вамъ, мой другъ, не унывать теперь надо, а радоваться, потому что все *идетъ въ Россіи по Вашему*“... Не могутъ ни реакціонныя реформы Правительства (весьма, къ тому же, еще слабыя), ни благопріятное для насъ положе-

ніе европейской политики, ни болѣе религіозное (очень еще нетвердое, замѣтимъ) направленіе въ литературѣ и обществѣ,—не можетъ все это, хотя и дорогое, но вѣдшее и социальное, избавить отъ *лично-неправильного* нашего отношенія къ Богу и Церкви въ данное время. Уныніе мое—духовное и, видимо, безпричинное—никакого отношенія къ этому не имѣло. Ахъ! Ахъ! Вы еще плохо—я вижу—*мистическое*-то выучились *чувать*... Надо учиться!

Да ужъ если къ слову сказать, ужъ слишкомъ-то и по общественнымъ дѣламъ нечему радоваться.

Только читая газеты (самыя еще реакціонныя—„Гражданинъ“ и „Московскія Вѣдомости“!), видишь столько пошлаго и *умѣренно-европейскаго* въ этой общественной жизни нашей, и *прогрессъ* всетаки вездѣ—и въ Европѣ, и въ Америкѣ и въ Японіи—такъ ужъ вѣлся, что его люди иногда и не замѣчаютъ, не узнаютъ... А это *онъ*, и все ѣсть ѣсть, и пожираетъ, и подтачиваетъ и подтачиваетъ...

Физическихъ и душевныхъ силъ ужъ нѣтъ *дѣлать вырѣзки* изъ газетъ, а то бы можно было составить коллекцію поучительную и печальную...

Писать объ этомъ тоже не стану... Опять одни скажутъ—безуміе, фанатизмъ, „оригинальность“ (это вѣдь тоже порицаніе), а другіе—à la Грингмутъ и К.⁰—предадутъ тебя молча, какъ лѣнливые, или трусливые, или равнодушные, или даже лично-нерасположенные предатели...

Не примите этого за раздраженіе. Избави Васъ Боже отъ такой ко мнѣ несправедливости! Вѣдь это *правда*, и правда—*духовно* для смиренія моей гордости умственной весьма полезная... Это перстъ Божій... Что же я буду за свинья, если въ 58 лѣтъ и послѣ столькихъ испытаній буду раздражаться серьезно и... даже *наивно* какъ-то...

Но надо понимать дѣло *такъ, какъ оно есть*...

Да и *поступки* людей можно тоже безъ грѣха называть такъ, какъ они называются.

„*Богъ не выдастъ*—и свинья не съѣстъ“, конечно. Но вѣдь свинья—свиньей все останется, сколько бы Вы ей ни прощали по-христіански въ сердцѣ-то Вашемъ ея свинства противу Васъ.

Видно, *такъ* нужно.

Крѣпко цѣлую Васъ.

Вашъ К. Леонтьевъ.

Р. S. Не слишкомъ надолго ужъ *умоляйте*. А я теперь, *если позволите*, помолчу подольше; право, утро все занято, а вечеромъ—я чѣмъ дальше, тѣмъ больше предаюсь ужасной лѣни, и даже скуку предпочитаю вечернимъ занятіямъ...

Н. В. Въ Ярославлѣ я самъ прожилъ *осень 1849 года*, отъ августа, кажется, до конца октября, въ Лицеѣ студентомъ. Но тогда тамъ такъ мало занимались, что я испугался и соскучился, и перешелъ въ Москву среди зимы на медицинскій факультетъ.

Что касается до *вида города* и до многихъ знакомствъ, то это все оставило во мнѣ довольно пріятную память.

Не помнить ли меня кто тамъ?

П и с ь м о XXXIX.

19 ноября 1889 г. Оптина Пустынь.

Вчера получилъ Ваше письмо изъ Ярославля. Надняхъ В. получите, вѣроятно, и посылку съ рукописью.

Если Вы, голубчикъ, *непремѣнно хотите*, чтобы я рѣшилъ, куда ее отдать, такъ ужъ, я думаю, пошлите (Федору Николаевичу) Бергу. Отъ него я видѣлъ сочувствіе,—а что думаетъ этотъ скучный Цертелевъ, не знаю. Не забудьте только двѣ вещи: 1) въ препроводительномъ письмѣ упомяните, что Вы отъ меня слышали, что *онъ первый*, по пріѣздѣ моемъ изъ Турціи, протянулъ мнѣ руку пріязни и помощи; а 2) выговорите себѣ отписковъ (20 что ли). Пять-шесть мнѣ дайте: Губастову хочу послать и себѣ оставить.

Залетову^а написалъ и все объяснилъ.

Надняхъ принимаюсь *рѣшительно*, наконецъ, за рукопись „Анализъ и т. д.“ Очень она меня тяготитъ; недоволенъ ею и не радъ, что началъ!

Одна надежда, что „психологи“ московскіе ободрятъ. Но я вѣдь возвращать ее себѣ для новыхъ и несносныхъ исправленій не буду. А попрошу прямо рѣшить: стоитъ ли она вообще обнародованія или не стоитъ. Если „да“—въ журналъ *какъ есть*, со всѣми недостатками; если „нѣтъ“—подарю Вамъ, на память о человѣкѣ, который за все брался и ничѣмъ никому, кромѣ 3—4 человѣкѣ, не угодили. Да и то больше благодаря личному знакомству!

Устройство Ваше (*за Васъ*) мнѣ очень нравится. Но Вы не пишете ничего о стипендіи? Долго ли ее еще будете получать? И есть ли надежда, что Вы лѣтомъ будете имѣть опять и средства и свободу къ намъ прѣѣхать?

Вашъ К. Леонтьевъ.

P. S. Отъ всѣхъ нашихъ—привѣтъ Вамъ и Авдотѣ Тарасовнѣ.

П и с ь м о ХІ.

15 декабря 1889 г. Оптина Пустынь.

Получилъ исправно всѣ книжки и тетрадки. Очень Вамъ благодаренъ. Поздравляю съ наступающими праздниками и Новымъ Годомъ.

К. Леонтьевъ.

П и с ь м о ХІІ.

11 января 1890 г. Оптина Пустынь.

Милый другъ мой Анатолій Александровичъ! спасибо Вамъ за Ваше краткое, но *сердечное* поздравленіе и пожеланія на 1890 годъ. По мѣрѣ того, какъ старѣю, я и эти маленькіе знаки вниманія очень сталъ цѣнить.

Статью о Толстомъ третьяго дня „стряхнулъ съ плечъ“, какъ Вы прекрасно выразились (она очень утомила меня), но послалъ ужъ прямо Бергу, минуя Московскихъ психологовъ. Передумалъ. Если найдутся тамъ ошибки и нелѣпости (особенно техническія), съ ихъ, *психологической*, точки зрѣнія, все равно ужъ возвращать ее къ себѣ для поправокъ я бы не рѣшился,—дотога она наскучила мнѣ! Все равно Астафьевъ долженъ былъ бы ее изъ Москвы Бергу прямо отправить. Только отсрочки,—а къ апрѣлю мнѣ деньги для банка и т. п. нужны.

Теперь до 1 февраля я даю себѣ отдыхъ отъ литературы: буду писать письма и читать что-нибудь; а съ 1 февраля, если ничто не помѣшаетъ, примусь продолжать романъ (который я уже началъ было до Рождества, но оставилъ на время, чтобы раздѣлаться, наконецъ, съ Толстымъ). Только не ждите, мой дорогой другъ, тѣхъ *новыхъ путей*, о которыхъ Вы пишете. Какіе же это могутъ быть новые пути?

Для меня никакихъ нѣтъ, кромѣ догматическаго и аскетическаго Православія, *устоявшаго противъ науки и прогресса*. Но, чтобы эту идею облечь въ достойную форму, нуженъ трудъ сложный и большой (*не меньше „Анны Карениной“ или „Одиссея“*); но Вы не повѣрите (по молодости Вашей), *до чего* это меня пугаетъ! Важность и святость вопроса возбуждаютъ во мнѣ богобоязненное чувство; обиліе матеріала и богатство и глубина моего личнаго опыта—какъ житейскаго, такъ и духовнаго—съ другой стороны просто подавляютъ меня. „Шевельнуть“ все это страшно! Объективнѣе описать—будетъ труднѣе и выйдетъ хуже; болѣе лично—больно и совѣстно... Поэтому едва ли я уже сдѣлаю что-нибудь капитальное въ этомъ родѣ. Вѣрнѣе, что я поставлю себѣ цѣль болѣе низкую и грубую: написать скорѣе листовъ 15, чтобы расплатиться съ банкомъ, который меня связываетъ и мѣшаетъ мнѣ внести въ жизнь мою еще нѣкоторыя душеспасительныя измѣненія. Эта цѣль будетъ попроще, помирнѣе и повѣрнѣе. Разумѣется, *направленіе* должно быть религиозное; а получше или похуже въ эстетическомъ отношеніи—это ужъ *ничто* сравнительно съ получкой разомъ 1200—1500 руб. для расчета съ Калужскимъ Обществомъ Взаимнаго Кредита.

„Укатали, голубчикъ мой, сивку крутыя горки!“ Люблю я, грѣшный, все *земное* прекрасное; но уже дожилъ до того, что и *не умѣю* уже предпочитать *небесному*, когда есть возможность выбора!

Эти грубыя отношенія къ банку имѣютъ гораздо болѣе *духовное* для меня значеніе, чѣмъ можно подуматъ, не зная моего внутренняго настроенія. Поняли?

Въ заключеніе прибавлю, что *роковыя въ моей жизни цифры*—89, 90, 91 (49, 50 и 51; 61 и 62; 70 и 71; 79, 80, 81—все эти годы были для меня очень жестоки и тягостны), о которыхъ я Вамъ говорилъ (или нѣтъ—не помню), *уже сильно даютъ себя чувствовать*⁹⁰⁾. Если не смерть близится, то надо ждать какой-то новой, *тяжелой и значительной* въ моей жиз-

⁹⁰⁾ По наблюденію К. Н. Леонтьева, переходъ отъ одного десятилѣтія къ другому, послѣднія цифры одного десятилѣтія и первыя цифры слѣдующаго всегда имѣли въ его жизни *важное, роковое* значеніе. Предчувствіе его относительно роковаго значенія перехода отъ 80-хъ къ 90-мъ г. г. оправдалось: въ 1891 г. онъ, какъ извѣстно, умеръ. А. А.—вз.

ни перемѣны. Уже признаки *начала конца* и обнаружались одинъ за другимъ. Во первыхъ, отъ архимандритъ крайне недоволенъ *юротствами* бѣдной Лиз. Павл., ея шутками съ молодыми монахами и т. п. Передъ Рождествомъ, послѣ одной ея глупости, онъ потребовалъ ея удаленія въ Козельскъ; тамъ она прожила 2 недѣли,—послѣ чего я обѣщалъ ему смотрѣть за ней строже, и ее вернули, съ уговоромъ—испытать *до Мая*. Но развѣ за ненормальнымъ и слабоумнымъ человѣкомъ долго услѣдишь? Я предвижу, что мое положеніе въ этой милой усадьбѣ уже не прочно, и можно со дня на день ожидать, что я буду вынужденъ—или во всемъ домомъ переѣхать въ Козельскъ (хамство!), или ихъ съ Варей устроить въ Козельскѣ, а самому удалиться въ скитъ.

Но это еще ничего, а случилось еще нѣчто гораздо худшее. Александръ увезъ отъ Вяземскихъ ⁹¹⁾ молодую дѣвушку (горнишную), поселилъ ее въ Козельскѣ и, по всемъ признакамъ *содержалъ* ее, потому что она ничѣмъ не занималась, кромѣ пѣнія, пляски и кутежа. Но это такъ и быть! Это его личный грѣхъ,—и даже Варя на *это собственно* смотритъ еще довольно разсудительно для молодой и любящей жены. Но бѣда въ томъ, что онъ, *какъ русскій человѣкъ*, не могъ ограничиться скромной и приличной, такъ сказать, измѣной, а началъ кутить, „чертить“, что называется: пилъ, скакалъ съ ней по городу, мои комиссіи исполнялъ все хуже и хуже, домой постоянно опаздывалъ и даже въ деньгахъ запутался такъ, что много задолжалъ. Если бы кто-нибудь мнѣ предсказывалъ, что и этотъ осторожный, честный, покойный и даже *весьма дипломатическій* характеръ такъ неожиданно и „широко“ прорвется, я бы не повѣрилъ. Да и не вѣрилъ до тѣхъ поръ, пока не стало все слишкомъ очевидно и самъ сознался, наконецъ. Пока батюшка, я и Варя уговорили его уѣхать къ отцу на нѣсколько мѣсяцевъ для *перелома* въ чувствахъ. Конечно, онъ кается; но Вы, конечно, понимаете, какъ важенъ и для него, и для Вари и для меня этотъ первый шагъ на скользкомъ пути! Вѣра моя въ его солидность уже разъ навсегда поколеблена; для Вари впереди ждешь скорбей и слезъ: для него—дома скука отъ неизбѣжныхъ

⁹¹⁾ Семья богатыхъ помещиковъ, жившихъ въ своемъ имѣніи неподалеку отъ Оптиной пустыни. А. А.—68.

укоровъ и желанія снова находить утѣшенія на сторонѣ. Въ *моемъ домѣ* ему уже болѣе не предстоитъ надолго занятій и службы, вслѣдствіе моего недовѣрія и моей, такъ сказать, природной „неотходчивости“ въ подобныхъ случаяхъ. *Струна* какая-то у меня лопнула, и даже Варя со мною согласна, что открытый кутежъ и всѣ эти его безпорядки хуже самой измѣны, которая, при всей грѣховности своей, могла бы быть соблюдаема безъ шума и разстройства дѣлъ...

Хорошо, если Богъ поможетъ образумить и устроить его гдѣ-нибудь здѣсь, неподалеку; а если онъ предпочтетъ остаться подъ Москвой, вѣдь рано или поздно и Варя *должна* будетъ оставить и меня и Лизавету Павловну. А Варя—единственная душа въ домѣ, съ которой я могу свою душу отвести.

Поняли теперь, что такое для меня эти цифры—90-й и 91-й? Пока, благодарю Господа, принимаю все это покойно и твердо,—но что буду *чувствовать* тогда, когда все это вокругъ меня рухнетъ?—Не знаю и *боюсь*, что *будетъ очень тяжело и скучно*.

Когда бы, по крайней мѣрѣ, къ тому времени избавилъ Господь отъ банка и срочной на него работы! Все бы легче было!

Прощайте, другъ мой. Неужели Богъ не утѣшитъ меня лѣтомъ свиданьемъ съ Вами? Лиза собирается послать Авдотѣ Тарасовнѣ какіе-то свои іероглифы. А я ей кланяюсь. Жду со дня на день И. И. Кристи. Обѣщаль въ январѣ непременно быть.

Прощайте; обнимаю Васъ.

Вашъ К. Леонтьевъ.

Письмо ХІІ.

10 февраля 1890 г. Оптина пустынь.

Слишкомъ долго опять не пишете. Всѣ мы желаемъ знать, какъ поживаете. Соскучились по Вашимъ письмамъ. У насъ въ домѣ—все пока *in statu quo*. Александръ все еще въ Москвѣ. Есть *постороннія* новости, но не для *открытаго письма*.

Статью о Толстомъ послалъ 10 января Бергу; но *до сихъ поръ* не только отвѣта нѣтъ, но и *Русскаго Вѣстника* не

посылаетъ второй мѣсяць. Чудеса! Видите, не Вамъ однимъ не отвѣчаетъ.

Авдотья Тарасовна—мое почтеніе. Съ Великимъ постомъ!

К. Леонтьевъ.

П и с ь м о XLIII.

12 февраля 1890 г. Оптина Пустынь.

Вотъ, голубчикъ Анатолій Александровичъ, какой между нашими сердцами магнетическій или спиритическій токъ... *Вчера* я приготовилъ къ отправкѣ Вамъ прилагаемое открытое письмо; соскучился безъ вѣстей объ Васъ; и *вчера же* получилъ Ваше. Не горюйте слишкомъ обо мнѣ и объ Варѣ; мы давно уже оба успокоились; Александръ все еще у отца, подь Москвой,—и я хочу благословиться у о. Амвросія, чтобы продлить его изгнаніе до Пасхи. Варя отнеслась къ первой измѣнѣ его гораздо разсудительнѣе, чѣмъ можно было отъ ея *прежней* страстности и вспыльчивости ожидать. Она прежде всего была рада, что онъ не на глазахъ; что она не видитъ его проказъ и не слышитъ о немъ разсказовъ, которые ее раздражали. До сихъ поръ не скучаетъ и даже весела. Что касается до меня, то, увидавши ея разсудительность, я сталъ покойнѣе за ея будущность, ибо для любящей женщины труднѣе всего перенести именно первую измѣну. Потомъ, если мужчина съ ней-то самой хорошо обращается, то многія изъ нихъ привыкають къ этому. Что касается до меня, то, съ одной стороны, я за ея будущность тревожился при этомъ первомъ его приключеніи; а для себя видѣлъ въ этомъ *предзнаменованіе* (въ числѣ *многихъ* другихъ) о приближеніи какого-то новаго и нелегкаго перелома въ моей жизни (90-й, 91-й годъ. Помните?). Мнѣ все кажется (хотя, разумѣется, я не знаю), что если я въ теченіе этихъ двухъ роковыхъ лѣтъ не умру, то кака-то совокупность обстоятельствъ и перерожденіе собственныхъ моихъ чувствъ приведетъ меня къ оставленію того *подобія семейной жизни*, которымъ я былъ до сихъ поръ доволенъ. Какъ бы не пришлось въ скитъ или монастырь переселиться, а жену съ Варей—въ Козельскъ? Иногда и жутко что-то, какъ начнешь думать... Но это все еще неясно: ясно одно, что для дома моего *здѣсь* Сапа не только бесполезенъ, но даже и обреме-

нителенъ. Получаетъ 10 руб., а лѣнность его и равнодушіе къ дѣлу (котораго у него меньше всѣхъ) дотога мнѣ наскучили и утомили меня, что безъ него стало гораздо легче. Его умъ и прекрасный, ровный характеръ обезоруживаютъ, правда... Но всетаки я не люблю его небрежности, и буду искать ему поблизости другое мѣсто. У *чужихъ*, небось, будетъ построже къ себѣ. Пишетъ намъ, что очень кается и безъ насъ скучаетъ. Я ему отвѣтилъ очень строго: „Безъ насъ-ли? Или безъ кого еще? Главное, безъ двухъ товарищей кутежа?“ Къ дѣвицѣ-то этой онъ, кажется, не очень привязанъ (хотя она, слышно, очень красива). Онъ, видимо, не столько ее полюбилъ, сколько кутежъ и приключенія во всецѣлости. Понимаю это по *старой памяти*, и не за это строго сужу, а за крайнюю неисполнительность по хозяйству.

Ну, довольно объ этомъ. Поговоримъ о статьѣ ⁹²⁾. Я почти предчувствовалъ, что Бергъ ея не возьметъ. Но предчувствіе это явилось у меня поздно, и я виноватъ передъ Вами въ томъ, что не посовѣтовалъ Вамъ ее передѣлать. Доброжелатель мой, г. Портъе д'Аркъ (т. е. Черновъ)—писатель слабый и крайне опрометчивый. Онъ теперь дѣйствительно издалъ въ Парижѣ книжку „L' esprit national russe sous Alexandre III“ (переводъ: „Русскій національный духъ при Александрѣ III“). И, не удовольствовавшись даже прежнимъ псевдонимомъ (*Черновъ*), назвалъ на обложкѣ *Довѣринъ* (*Dovérine*, а въ скобкахъ *Tchernoff*),—какъ будто, т. е., онъ раскрылъ теперь свою настоящую русскую фамилію—*Довѣринъ* (значить, должно быть, „заслуживающій доверія“). Эта книжка—сборникъ его прежнихъ статей о Россіи (въ *Revue Nouvelle* г—жи Аданъ). Въ *Гражданинѣ* надъ его фразами, ошибками и легкомысліемъ уже смѣялись. И въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, вѣроятно, къ его книжкѣ отнесутся строго. Бѣдный Портъе выслалъ мнѣ ее недавно съ почтительной надписью: но—увы!—въ другихъ статьяхъ его я нашелъ еще больше ошибокъ и празднословія, чѣмъ въ той, которую онъ посвятилъ мнѣ. Мнѣ было неловко, совѣстно, жалко посовѣтовать Вамъ быть построже къ человѣку, который, какъ умѣлъ, потрудился въ мою пользу. Я, хоть и никогда

⁹²⁾ О моей статьѣ о К. Н. Леонтьевѣ, отправленной Э. Н. Бергу въ *Русскій Вѣстникъ*. См. выше. А. А—въ.

не проповѣдую „чистую мораль“ и терпѣть не могу, когда пишутъ о „любви“ къ человѣчеству, но самъ не совѣмъ ужъ, какъ Вамъ, я думаю, извѣстно, лишенъ нравственныхъ и добрыхъ чувствъ. И не мастеръ ихъ приносить преднамѣренно въ жертву какимъ-нибудь лукавымъ цѣлямъ. Этой ловкости у меня всегда было мало. Если бы я убѣдилъ Васъ прежде всего побранить автора за то, что онъ берется писать свысока о томъ, чего хорошо не знаетъ, то, можетъ быть, та часть Вашей статьи, которая была для меня выгодна, и нашла бы себѣ мѣсто въ хорошемъ журналѣ. Но я, какъ человѣкъ недостаточно лукавый, не говорилъ Вамъ этого, а напротивъ, помните, настаивалъ, чтобы „бѣдному“ Портѣе не было обидно. И ограничился только тѣмъ, что, когда Вы прислали мнѣ Вашу рукопись на прочтеніе, вычеркнулъ вездѣ эпитетъ „прекрасная“ статья. Вы это замѣтили, вѣроятно?

Цертелеву рѣшительно не совѣтую Вамъ посылать. Я увѣренъ, что онъ ее не напечатаетъ. Я мало знаю его характеръ; но знаю, что, во-первыхъ, онъ вовсе не православный, а, такъ сказать, *чистый пессимистъ*, а во-вторыхъ, онъ, видимо, во мнѣ *романиста* предпочитаетъ *публицисту*. Это явствуетъ изъ того, что въ объявленіи о *Русскомъ Обзорѣ* мое имя попало въ отдѣлъ „беллетристовъ“, хотя я навѣрное имъ повѣсти не обѣщавъ.

Шараповъ, конечно, бѣдствуетъ, и денегъ для Васъ у него, вѣроятно, не найдется. Но если Вы хотите, чтобы Вашъ трудъ не пропадалъ, то къ прежнему труду прибавьте новый: *сократите*, вычеркните всѣ эти *выспреннія* и не заслуженныя мною *уподобленія цѣлой Россіи*. Скажите кратко и не браня его, что выбрасываете все избыточное, по недостатку времени и мѣста. Вычеркните также почти все или даже все *лично-біографическое* мое: о женитьбѣ моей (это ужъ бы и вовсе не нужно), о службѣ, о нигилизмѣ смолоду и т. п.,—и оставьте только Ваши возраженія на его ошибки и недомолвки *собственно критическія*. И отдайте Шарапову. Я думаю, онъ возьметъ,—особенно *gratis!* *При всемъ этомъ, пожалуйста, обо мнѣ не думайте!..* Такого рода неудача слишкомъ не велика и случайна, чтобы меня огорчить. Если бы я чувствовалъ иначе, я бы *Вамъ-то* откровенно сознался. Вы сами человѣкъ *очень добрый, очень великодушный и очень*

скрытый... Не судите по себѣ: я и не такъ добръ, и не такъ мужественъ, и не такъ скрываетъ, какъ Вы. Я бы *сказалъ*, если бы очень дорожилъ этимъ дѣломъ. Я, зная, какъ теперь у Васъ много *необходимаго* дѣла, прежде всего жалѣю Васъ,—т. е., и о томъ, если *старый* трудъ окажется тщетнымъ, и о томъ, что поправка, сокращеніе и очистка возьметъ снова время. Разсудите сами, что *для Васъ* хуже или лучше: сократить и отдать Шарапову, или *спрятать* Вашу рукопись въ ящикъ; когда-нибудь въ *измѣненномъ* видѣ можетъ Вамъ пригодиться. Обо мнѣ *въ этомъ случаѣ*, ради Бога, не думайте! Я не говорю: *ни въ какомъ* случаѣ, я говорю только: *въ этомъ*.

Я очень занятъ теперь двумя работами.

Одна: это—статья для *Гражданина* о современномъ религиозномъ движеніи въ образованномъ русскомъ обществѣ. По особому сочувственному благословенію старца. Сюда, въ скитъ еще поступили двое (двоюродные братья) изъ высшего общества, еще молодые люди, оба женатые на красивыхъ женщинахъ. Жили съ ними хорошо. Жены основали женскую общину въ Воронежской губерніи, и будутъ прямо—одна игуменья, а другая казначая; а мужья—простыми послушниками въ скиту. Надо тутъ будетъ помянуть (съ начальными *буквами* только) и Фуделя, и Веригина, и Кристи и многихъ другихъ; въ разныхъ формахъ—одна идея, одно стремленіе.

Ну, а другая работа, по окончаніи статьи: *повѣсть*. Тутъ у меня борьба: „Художникъ“ (бранное слово) требуетъ по-лучше, позанимательнѣе, поглубже; христіанинъ—починце, построже, посвятѣе. Кредиторъ банка въ 1200 руб. говоритъ: „какъ-нибудь, да поскорѣе“. Кредитору же,—вообразите, а совѣмъ ужъ не художнику,—помогаетъ опять-таки христіанинъ. Онъ говоритъ: „Искусство, художественное совершенство—это пустяки, тщеславіе. Лишь бы напечатали, лишь бы очень плохо не было; а банкъ—это очень важно! Долгъ этотъ тебя связываетъ больше всего; ты еще не свободенъ: ты не можешь, пока не развяжешься съ нимъ, сказать себѣ: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего“; не можешь сказать: „Благословлюсь у батюшки хоть цѣлый годъ или больше, если будетъ такая потребность, не писать *для печати*, ничего не писать, а заниматься однимъ строго духов-

нѣмъ (ибо и *годы* роковые, и силы все таютъ), или писать одни свои воспоминанія для выгоды наследницъ“... Нельзя такъ жить, когда черезъ 9 мѣсяцевъ опять нужно платить сумму, которую изъ пенсіи уплатить невозможно“...

Все это, голубчикъ, такъ важно, и, когда углубишься въ вопросы о *загробной* будущности, то и такъ страшно, что неудача Вашихъ добрыхъ намѣреній на счетъ меня и взбалмошнаго Портъе—какъ капля въ морѣ! И потому еще разъ прошу: обо мнѣ съ этой стороны *ничуть* не горюйте!

Слава Богу! Все—славу Богу!

Обнимаю Васъ и благодарю за неизмѣнность любви. А Кристи обмануль меня (90-й годъ!): общалъ заѣхать на обратномъ пути въ Петербургъ изъ Кишенева, куда онъ тѣдилъ на свадьбу сестры,—и вотъ уже 2 мѣсяца скорони-слуху, ни духу! Фудель писать аккуратно... не хуже Васъ.

Авдотья Тарасовнѣ—сердечное спасибо за участіе. Дай Богъ вамъ *поститься* Великимъ постомъ какъ можно строго. А мы тутъ за васъ помолимся. Жена и Варя благодарятъ васъ обоихъ и кланяются.

Вашъ К. Леонтьевъ.

P. S. Вспомнилъ еще вотъ что. Если Вы уже рѣшитесь сокращать для Шарапова, то, можетъ быть, затруднитесь, какъ быть съ *заключеніемъ* (такъ какъ теперь цѣлая книжка выпла)... Сдѣлайте вотъ что. Озаглавьте такъ: „Г. Черновъ о К. Леонтьевѣ“. (въ „*Revue Nouvelle*“ и въ книгѣ „*L'esprit*“ и т. д.). Статья „*Revue Nouvelle*“ цѣликомъ, безъ измѣненій вошла въ книжку и составляетъ въ ней особый отдѣлъ; озаглавлена также: „*Un portrait littéraire russe*“. А лучше бросьте все это! Прощайте.

Письмо XLIV.

25 марта 1890 г. Оптина Пустынь

Вамъ, милый А. А—чь, *скучно* безъ моихъ писемъ,—и мнѣ скучно безъ Вашихъ. Вы очень заняты,—и я тоже теперь занятъ спѣшной работой. Что дѣлать! Давайте пока хоть короткими обмѣниваться. Когда поѣдете на Фоминой въ Москву, *зарантѣ* сообщите мнѣ Вашъ адресъ. Я дамъ Вамъ

маленькую комиссію, которая возьметъ мало времени. Въ *Гражданинѣ* начались мои статьи „Добрыя вѣсти“ о *религиозномъ* движеніи. Достаньте — и узнаете много знакомаго Вамъ.

Очень жаль, что Ваша статья послана кн. Цертелеву. Бьюсь объ закладъ, что ее не напечатаютъ. Я самъ виноватъ; ошибся; надо было *вовремя* объяснить Вамъ, что *биографическая* часть не у мѣста. *Заграницей*—дѣло иное; тамъ это понятно; а *дома*—нѣтъ. *Mea culpa!* Простите! Пригодится, можетъ быть, *послѣ...*

Теперь пишу „Славянофильство *теоріи* и Славянофильство *жизни*“.

Прощайте. Обнимаю! Христось Воскресе! Авдотѣ Тарасовнѣ—отъ всѣхъ насъ привѣтъ.

К. Леонтьевъ.

Р. С. И. И. Кристи очень былъ боленъ.

Письмо XLV.

12 апрѣля 1890 г. Оптина Пустынь.

Дорогой Александровъ! Я вотъ о чемъ хотѣлъ Васъ просить. Мои *книги* до сихъ поръ лежатъ въ ящикѣ *съ цензурномъ комитетъ* у С. В. Залетова; по разнымъ книжнымъ магазинамъ не розданы. Залетовъ, кажется, самъ думаетъ, что развести и раздать по 25—30 экземпляровъ—это какое-то очень *литературное* дѣло, и все, повидимому, надѣется на какую-то „помощь“, обѣщанную ему Астафьевымъ и Назаревскимъ. Но, должно быть, и имъ не до меня... Молодые-то подобрѣе, видно. Если можете помочь—помогите, а не можете—Божья воля!

Бергъ печатаетъ мой критическій *этюдь*⁹³⁾. Это ужъ истинно „психопатія“. „Не смѣй никто выразаться не по моему!“

Молю Бога за счастливое окончаніе экзаменовъ. Помози Господи!

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

Р. С. Неужели мы этимъ лѣтомъ не увидимся!!!

Зачѣмъ Вы затесались къ Срѣтенскимъ Воротамъ?

⁹³⁾ „Анализъ, стиль и вѣяніе“ О романахъ гр. Л. Н. Толстого. А. А.—ст.

Письмо XLV.

3 мая 1890 г. Оптина Пустынь.

Радуюсь, радуюсь, и паки реку: радуюсь, милый мой поэтъ и профессоръ, что Господь помогъ сдать Вамъ главный экзаменъ!

Помоги Богъ и въ остальномъ! Всѣ соображенія Ваши насчетъ времени другихъ экзаменовъ Вашихъ и экзаменовъ Вашего ученика—весьма основательны, хотя и не особенно выгодны для моего бѣднаго, стараго, но еще теплаго сердца... Понимаю, что Вы правы, желая пріѣхать ко мнѣ не лѣтомъ, а совсѣмъ „вольною птицей“; но всетаки вздыхаю... Да будетъ воля Божія!

Теперь—убѣдительнѣйшая просьба: пошлите 6—7 мая (если мое письмо поспѣетъ; онъ 7-го, слышно, возвращается въ Москву) прилагаемую телеграмму князю Цертелеву ⁹⁴⁾; а потомъ напишите два слова Грингмуту, чтобы онъ возвратилъ Вамъ рукопись Вашу (пошлите ему 1 руб. изъ прилагаемыхъ на почтовые расходы). Я уже писалъ Вамъ, что считаю себя весьма виноватымъ предъ Вами въ томъ, что поддался прошлаго года движенію самоувѣренности или тщеславія—и сразу не охладилъ Вашего дружескаго, молодого и пристрастнаго усердія. *Не слѣдовало* писать этой статьи; или, даже и написавъ ее, надо было ее прибрать въ ящикъ, а не посылать по редакціямъ. Чернова статья въ сущности весьма безтолкова, не только тамъ, гдѣ онъ говоритъ собственно обо мнѣ, но и почти во всемъ остальномъ. Его лестные обо мнѣ отзывы и *тогда* не ослѣпили меня вполне, но я, по немощи человѣческой, находилъ удовольствіе *закрывать глаза*, пока дѣло шло о прославленіи моего имени. Но когда онъ позднѣе прислалъ мнѣ цѣлую книжку свою „Русскій національный духъ при Александрѣ III“, я увидалъ, что въ другихъ статьяхъ этого „благонамѣреннаго“ сборника онъ совсѣмъ сбился съ толку, и понималъ, что *не въ моихъ выгодахъ* и поминать у насъ о его лестномъ, но безтактномъ обо мнѣ отзывѣ. У насъ моими сочиненіями интересуются—дай Богъ—50 человѣкъ на всю Россію, а онъ придаетъ мнѣ какое-то необыкновенное значеніе: „Россія—въ миниатюрѣ!“ Шуточка

⁹⁴⁾ По поводу возвращенія статьи моей о К. Н. Леонтьевѣ. А. А.—сб.

это!.. Если бы даже предположить, что есть и подобіе правды въ этомъ комплиментѣ (т. е. въ томъ смыслѣ, что я въ мысляхъ переживаю на 10 — 15 лѣтъ ранѣе другихъ тѣ фазисы, въ которые позднѣе всякій разъ вступаетъ передовая русская мысль вообще и даже само Правительство), то все-таки надо говорить объ этомъ *доказательнѣе*, чѣмъ дѣлаетъ бѣдный мосье Портье! Спасибо ему. Но вѣдь и медвѣдь хотѣлъ услужить пустынноку... Конечно, успѣхъ—вещь пріятная; но что же дѣлать: „*habent sua fata libelli!*“ Я все-таки и при жизни уже гораздо счастливѣе Данилевскаго; мое имя все-таки такъ или иначе многіе знаютъ. О Данилевскомъ же *всего лѣтъ 5—6 тому назадъ* кто слышалъ? Начну я, бывало, говорить о немъ... „Кто такое? Что такое? Не знаемъ; не слышали; не читали“. А теперь видите, какая борьба, какая многозначительная, серьезная борьба поднялась надъ его могилой! И она еще не скоро кончится... А почему? Заблужденій (либеральныхъ) у него очень много; но онъ сказалъ только одно великое слово, сдѣлалъ одинъ исполинскій шагъ въ области исторической мысли: „*Теорія культурныхъ типовъ и сѣня ихъ!*“

Надо, конечно, различать въ этомъ вопросѣ—прошедшее человѣчества *отъ его будущаго*, и, сверхъ того, собственно научную его мысль отъ его же патріотическихъ надеждъ и пристрастій. Яснѣе: культурные типы *были*; теорія этихъ типовъ—превосходна; она лучше всякихъ другихъ дѣленій для пониманія исторіи; но *будутъ ли еще* культурные типы, это—другой вопросъ. Весьма возможно, что и не будетъ ихъ болѣе, а что человѣчество послѣ цѣлаго періода кровопролитій и борьбы приметъ (вопреки *желаніямъ* Данилевскаго и *моимъ*) извѣстный всѣмъ намъ общеевропейскій утилитарный характеръ, и, дойдя на этомъ пути *непрерѣнно* до абсурда, погибнетъ,—т. е., или начнетъ постепенно вымирать, или, посредствомъ прогрессивнаго *физико-химическаго баловства* своего, произведетъ какую-нибудь ужасную и неожиданную всеземную катастрофу. Это весьма возможно, и потому цѣнность теоріи культурныхъ типовъ для *прошедшаго* человѣчества нельзя равнять съ ея цѣнностью для *будущаго*. Это разъ. А потомъ, допустивши даже, что будутъ еще (до *неизбѣжнаго* и *надвигающагося* свѣтопреставленія) одинъ или два новыхъ культурныхъ типа, мы все-таки не имѣемъ еще

черезъ это права (раціональнаго) надѣяться, что этотъ новый культурный типъ выработается *непремѣнно весьма уже старою Россіей* (900 лѣтъ съ крещенья; и больше 1000 съ призванья князей!) и ея славянскими единоплеменниками, отчасти переходящими (какъ Болгары и Сербы) прямо изъ свинопасовъ въ либеральныхъ буржуа, отчасти (какъ Чехи и Хорваты) давно уже насквозь пропитанныхъ европеизмомъ. И *мнѣ бы очень хотѣлось* хоть съ того свѣта увидать этотъ новый и пышный (*четырехъ-основный*, по Данилевскому) культурный Всеславянский типъ! Но—увы! *Признаки* благопріятныя есть; но они такъ слабы и такъ еще мелки... И неблагопріятнаго со всѣхъ сторонъ такъ много, что мнѣ, признаюсь, все чаще и чаще представляется такого рода печальная картина: эта національная и религіозная реакція, которая теперь довольно сильна въ русскомъ обществѣ, не есть ли это одна изъ тѣхъ кратковременныхъ реакцій къ лучшему, къ здоровью и силѣ, которыя иногда испытываю на себѣ и я (напримѣръ) въ моей старости?.. Такихъ малыхъ реакцій, небольшихъ обратныхъ теченій на *старѣйшій почетъ* было въ исторіи много (постарайтесь припомнить): но все это не было *реакціей въковой, на новыхъ основахъ*; примѣрами послѣднихъ были: Византійское Православіе, появившійся черезъ 400—500 лѣтъ для Запада — феодализмъ и налетво, а для Востока—мусульманство и буддизмъ (привившійся въ Китаѣ и Тибетѣ).

Хорошо, кабы такъ. Иногда я думаю (не говорю *мечтаю*, потому что мнѣ, вкусамъ моимъ это *чуждо, а невольно* думаю, *объективно* и безпристрастно предчувствую), что какой-нибудь русскій царь,—быть можетъ, и недалекаго будущаго,—станетъ во главѣ социалистическаго движенія (какъ Св. Константинъ сталъ во главѣ религіознаго—„Симъ побѣдиши!“) и *организуеъ* его такъ, какъ Константинъ способствовалъ организациі христіанства, вступивши *первый на путь Вселенскихъ Соборовъ*. Но что значить „организациа“? Организациа значить *принужденіе*, значить—благоустроенный *деспотизмъ*, значить — *узаконеніе* хроническаго, постояннаго, искусно и мудро распределеннаго *насилія надъ личною волею гражданъ*. Поэтому либераль (по *выводамъ* своимъ *дурнымъ*, а не *основамъ*, вполнѣ *вѣрнымъ*) Спенсеръ съ ужасомъ видитъ въ социализмѣ новое *грядущее государственное*

рабство. И еще соображеніе: организовать такое сложное, прочное и новое рабство едва ли возможно безъ помощи *мистики*. Вотъ, если послѣ присоединенія Царьграда *небывалое досель сосредоточеніе* Православнаго управленія въ Соборно-Патріаршей формѣ (разумѣется, безъ всякой теоріи „непогрѣшимости“—которую у насъ и *не потерпятъ*) совпадетъ съ одной стороны съ усиленіемъ и того мистическаго потока, который растетъ еще теперь въ Россіи, а съ другой—съ *неотвратимыми* и разрушительными рабочими движеніями и на Западѣ, и даже *у насъ* (такъ или иначе),—то хоть за *два основы*—религіозную и государственно-экономическую можно будетъ поручиться *надолго*. Да и то все къ *тому же* окончательному *смѣшенію* нѣсколько позднѣе придетъ. Человѣчество, безъ сомнѣнія, очень устарѣло. Сама сила точной науки (или, вѣрнѣе, *ея приложеній*), на которую почти всѣ молятся и противъ которой даже столь смѣлый еп. Никаноръ и я, которому терять въ *литературѣ* нечего, едва-едва смѣемъ кой-что говорить,—сама сила этой науки есть признакъ глубокаго устарѣнія, стариковскій интересъ: „удобства, удобства, удобства“... И Эд. фонъ-Гартманъ вѣрно „чуется“ дѣло, когда говоритъ, что признакъ близости конца для человѣчества есть преобладаніе *сознательнаго надъ бессознательнымъ*. Въ этомъ онъ совпадаетъ съ христіанствомъ: „плоды древа познанія добра и зла“ *убійственны* для людей, и, насытившись ими до высшей мѣры своей, человѣчество уже не найдетъ обратнаго пути къ „древу жизни“... (Вотъ, кстати сказать, о чемъ надо писать теперь стихи; а не о томъ, какъ волны Чернаго моря плещутъ у Ланжероновой дачи въ Одессѣ, и не о „русалкахъ“, милый мой... Наши старые поэты всѣ давно уже какими-то рвотными конфетками насъ угощаютъ, и Феть, и Майковъ; Голенищевъ-Кутузовъ прекрасно дѣлаетъ, что взялъ въ жреческія руки свои (слабоватя) „банковую метлу“; ну, а младшіе—либо: „Любовь, любовь, любовь!“ „Во всеоружьи Европа... О, Христось!..“ Ни къ селу тутъ, ни къ городу,—*всуче!* Либо: „О, да, я вѣрю, что всѣ люди станутъ какъ березы въ роцѣ! Что всѣ станутъ и ученѣе, и проще“... Поэзія!!). Но какъ бы то ни было, будетъ ли новый культурный типъ или нѣтъ, Славяне ли съ непривычки какъ-нибудь печально съ *дѣйствительно* новой, неевропейской, и нелиберальной культу-

рой въ одно утро проснутся, или они, попытавши чуточку сдѣлать что-то свое, плачевное и половинное, послѣ взятія Царьграда, лопнуть, какъ мыльный пузырь, и распустятся немного позднѣе другихъ все въ той же ненавистой все-европейской буржуазіи, а потомъ будутъ (туда и дорога!) пожраны Китайскимъ нашествіемъ (NB. Замѣйте, что религія Конфуція есть почти чистая практическая мораль и не знаетъ *Личнаго Бога*, а буддизмъ въ Китаѣ тоже столь сильный, есть прямо *религіозный атеизмъ*... Ну, развѣ не Гоги и Магоги?) и т. д., и т. д.,—во всякомъ случаѣ про Данилевскаго можно сказать, что онъ сдѣлалъ великій шагъ—*указаніемъ на эти культурные типы*. Можно вѣдь и такъ его теорію обернуть: существованіе *разныхъ культурныхъ типовъ* есть признакъ *жизненности человечества*; невозможность создать новый, *смѣшеніе* всѣхъ типовъ въ одинъ *средній*—есть признакъ приближенія человечества къ смерти.

Данилевскому принадлежитъ честь открытія *культурныхъ типовъ*. *Мнѣ*—гипотеза *вторичнаго и предсмертнаго смѣшенія*.

Пусть-ка ее опровергнуть! Что-то не сукотся... И опровергнуть было бы тоже для науки полезно.

Ну, такъ что же изо всего этого слѣдуетъ? Данилевскій со своими культурными типами былъ лѣтъ 6—7 никому почти неизвѣстенъ, кромѣ Страхова, меня и, можетъ быть, еще сотни разбросанныхъ тамъ и сямъ по Россіи людей. Теперь идетъ за книгу его борьба, какъ у Троянцевъ съ Греками за трупъ Патрокла.

Если моя теорія *трѣдинаго процесса* и моя гипотеза *вторичнаго смѣшенія*—*вѣрны*, то, взявши въ расчетъ то, что я уже при жизни пользуюсь большей извѣстностью, чѣмъ пользовался Данилевскій, конечно, за *идею* мою бояться не слѣдуетъ, и Вамъ, быть можетъ, еще и рано подвергать себя риску быть осмѣяннымъ за то, что Вы придаете мнѣ такое значеніе, котораго *не могутъ* допустить (не опровергая самихъ себя во многомъ) люди зрѣлые и наклеившіе уже на себя публично опредѣленный ярлыкъ. Я очень виноватъ передъ Вами, и спѣшу поправить мою ошибку. Если Бергъ не принялъ Вашу статью, то ужъ кн. Цертелевъ *непрѣменно* отъ нея откажется. Прошу Васъ, *не ждите этого*, и вытребуйте ее скорѣе. Если я стою такого серьезнаго признанія, это придетъ когда-нибудь. Къ тому же въ Вашей статьѣ

допущено было (по моей же оплошности) слишкомъ много біографическаго; у насъ не Франція. Тамъ это все является вдали и можетъ казаться любопытнымъ. Ну, а въ Россіи! дома, кому это нужно? Особенно—при той личной ненависти, злости и зависти, которыми дышетъ вся наша періодическая печать, не исключая ни „Московск. Вѣдом.“, ни „Гражданина“, ни покойнаго „Русск. Дѣла“... Катковъ и Аксаковъ еще давали примѣръ хорошаго тона въ полемикѣ. У нихъ она никогда не носила личного характера. А вникните, что печатали другъ противъ друга „Моск. Вѣд.“ и „Гражд.“ и „Новое Время“. Особенно Н. А. Любимовъ и Васильевъ⁹⁵⁾ отличались въ „Моск. Вѣд.“. Ну, и Шараповъ тоже лѣзъ въ это. Померли „господа“ (Катковъ и Аксаковъ); лакеи теперь, подлецы, дерутся. Всетаки безтолковый и безтактный, нерѣдко даже глупый князь Мещерскій всѣхъ ихъ порядочнѣе. У него еще видна иногда въ литературныхъ сношеніяхъ мораль; у „Моск. Вѣд.“, кромѣ подлой злости въ полемикѣ, ничего не видно. Даже и молодой еще (говорятъ) Ю. Николаевъ (Говоруха-Отрокъ, Неуважай-Корыто...) и тотъ, видимо, кривить душой. Ну, повѣрю я, что онъ Вл. Соловьева считаетъ неглубокимъ писателемъ. Да, милый мой, не вижу я въ русскихъ людяхъ (куда ни погляжу!) той какой-то особенной и неслыханной „морали“, „любви“, съ которой носился Вашъ подпольный пророкъ Достоевскій, а за нимъ носятся и другіе, и на культурное (!) значеніе которой разсчитываетъ весьма туманно нашъ добрыйшій Петръ Евгеніевичъ въ своей статьѣ „Национальное сознаніе“. У него самого дѣйствительно есть „мораль“ въ русско-мъ стилѣ; самъ онъ удивительно добръ, очень благороденъ, способенъ преисбредить обязанностью, и съ радостью исполнить какой-нибудь высшій долгъ. Но гдѣ же онъ эту специальную наклонность къ высшему долгу нашель въ Русскихъ вообще—не знаю. Я скажу въ духѣ Фетовскомъ: „Изъ того, что Русскіе хуже всѣхъ народовъ исполняютъ мелкія обязанности, никакъ еще не слѣдуетъ, что они любятъ исполнять высшій

⁹⁵⁾ Н. А. Любимовъ—проф. физики Московскаго университета, давній и близкій сотрудникъ М. Н. Каткова по *Моск. Вѣд.* и *Русск. Вѣстн.*; Никол. Васил. Васильевъ—сотрудникъ *Моск. Вѣд.* по финансовымъ и политико-экономическимъ вопросамъ А. А.—сз.

долгъ“. И 59 лѣтъ живу на свѣтѣ, и давно уже безъ ума радуюсь, когда встрѣчу русскаго человѣка, любящаго долгъ для долга, а не по одному страху Божьяго *наказанія*. Положимъ, что для смиренія это полезно; но во всемъ же есть мѣра; нельзя же ставить идеаломъ своимъ старика Мармеладова.

„Самоваръ и раскаяніе—вотъ русскій девизъ“, говоритъ Рошфоръ. „Смиреніе и пьянство; смиреніе и безхарактерность; всепрощеніе и собственная вѣчная подлѣйшая невыдержка, даже и въ дѣлахъ любви“... Некрасиво! Хотя, попристрастію *сердца* къ Россіи, я часто думаю, что всѣ эти мерзкіе личные пороки наши очень полезны въ культурномъ смыслѣ, ибо *они вызываютъ потребность деспотизма, неравноправности и разной дисциплины, духовной и физической*; эти пороки дѣлаютъ насъ мало способными къ той буржуазно-либеральной цивилизаціи, которая до сихъ поръ еще такъ крѣпко держится въ Европѣ.

Какъ *племя*, какъ *мораль*, мы гораздо ниже европейцевъ; но, такъ какъ, и не преувеличивая (въ патріотическомъ ослѣпленіи) молодость нашу, всетаки надо признать, что мы *хоть на одинъ вѣкъ* да моложе Европы, то и болѣе бездарное и менѣе благородное племя можетъ *въ извѣстный періодъ* стать лучше въ культурномъ отношеніи, чѣмъ болѣе устарѣвшія, хотя и болѣе одаренныя племена... Довольно-объ этомъ!

Что я дѣлаю? Пишу все о той же *культурѣ*. Очень слабъ; хожу, но плохо; гортань этой весной хуже. Въ домѣ пока все по старому. Александръ готовится къ экзамену въ *урядники*. А я *думаю о переходѣ въ ограду*, въ скитъ или монастырь. Лизав. Павл. съ Варей — въ Козельскѣ. Сейчасъ нельзя, по хозяйственнымъ условіямъ: но *что-то толкаетъ*. Отъ Амвросіи взираетъ благопріятно на эту думку мою. Повѣсть (все черезъ *культуру*) опять до іюня отложились. Да и боюсь я ее какъ-то. Слабо написать — не желаю; *сильно* — не надѣюсь!

Извѣстная Вамъ статья „Анализъ, стиль и вѣяніе“ весьма за зиму усовершенствована, продана Бергу и начнется въ іюньской книжкѣ „Русск. Вѣстк.“. Если добьюсь оттисковъ, непременно вышлю. Посылаю Вамъ III главу статьи моей „Добрыя вѣсти“. Полагаю, что 2 первыя Вы получили отъ

Замараева или Денисова,—хотя Вы объ этомъ ни слова не пишете. Или не получали? Для кого же я пишу въ „Гражданинъ“, когда даже ни Фудель, ни Вы „Гражданина“ не пишете?

Ну, прощайте. Авдотьѣ Тарасовнѣ — мой привѣтъ. Отъ другихъ поклоновъ не пишу. Сами собою разумѣются.

Вашъ К. Леонтьевъ.

Сообщилъ А. А. Александровъ.
